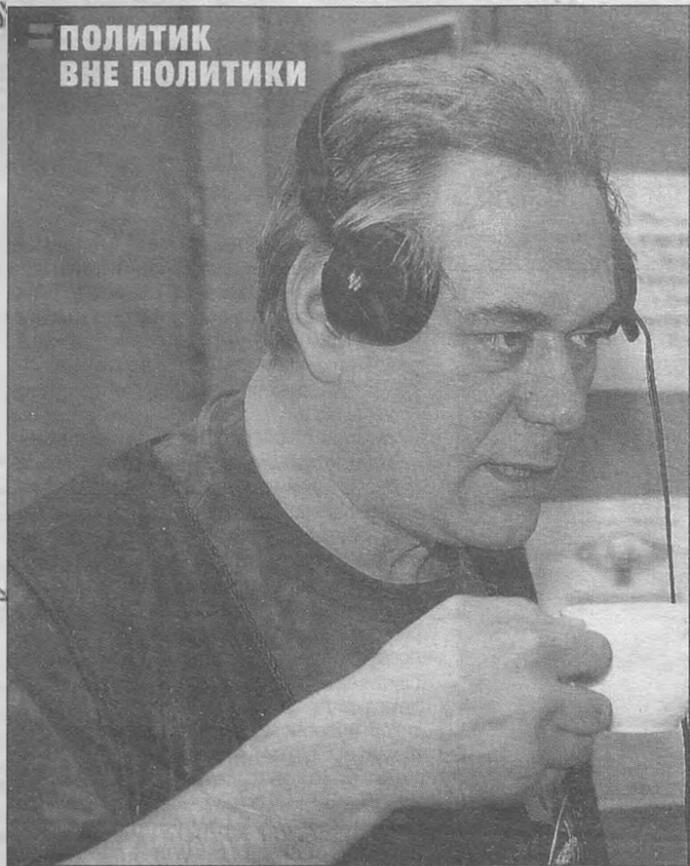

30605
Доренко Сергей Леонидович

ПОЛИТИК
ВНЕ ПОЛИТИКИ

ВЛАДИМИР МАШИШВИ

СЕРГЕЙ ДОРЕНКО:

«Я, пожалуй, большая скотина в личных отношениях»

безусловная любовь к начальнику – это половое извращение. Любви к начальнику вообще быть не может. А преданность начальнику обусловлена тем, что вы идете в одном направлении, защищая одну идею. Как только путь, предложенный начальником, перечеркивает ваш идейный мир, вы просто отходите от него, посылаете его в...

Поэтому я дружил, как им казалось, и с Кучмой, и с Путиным, и с Лукашенко, который меня угощал и хлебопектисовствовал. Но для меня из этого ничего не вытекает. Безусловно можно любить только детей, а любить лидеров – это порочно.

– Когда вы покинули телевидение, не было ли у вас ощущения эмоциональной пустоты, потребовалась ли вам психологическая перезагрузка, переосмысление?

– Еще до того, как я ушел с телевидения, я уже переосмыслил все, потому что для меня Путин был человеком, наводящим порядок с сепаратистами. Это была его единственная функция, которую я поддерживал. Кстати, «Единство» я не поддерживал и говорил, что это бессмысленная ватага. А меня за это очень не любили в партии. И мы уже с того момента начали с Владимиром Владимировичем выяснять отношения, спорить. Он меня пригласил поговорить сразу после того, как я раскритиковал арест Гусинского. Я объяснялся с ним довольно долго, и позже мы встречались с ним и каждый раз спорили. Я говорил, что Россия – страна, которая управляется страстями. И арестом Гусинского, вне всякой зависимости от его личных качеств, вы послали сообщение всем людям, что нужно арестовать бизнесмена, журналиста и еврея, желательно в одном лице. Последний раз мы встречались с ним в конце августа 2000 года после трагедии «Курска», когда я принял решение с его помощью поехать в Видяево. Мне там открыли все двери. Я сделал очень жесткую программу, решив, если он всю эту заслуженную, на мой взгляд, критику примет, тогда я буду с ним работать. А он не принял.

– Складывается впечатление, что вы одиночка, страшный эгоист, причем не только в деле, но и в семье, с товарищами...

– Я сталкивался с тем, что меня обвиняли в эгоизме. И, что характерно, ни разу не сталкивался с тем, чтобы меня обвиняли в альтруизме. Поэтому я думаю, что, пожалуй, я большая скотина в личных отношениях. Но при всем этом эгоизме у меня нет ни малейшего желания кого-то подмять или кем-то управлять. Я всегда сторонюсь взаимоотношений подчиненности, начальственности. Мне это просто неприятно. Когда я руководил 530 сотрудниками на Первом канале, это меня дико утомляло. Знаете, когда я руковожу, мне легче быть походным атаманом, ведущим коллектив от точки А к точке Б. То есть быть главным, просто потому что знаю дорогу. В семье я тоже как бы походный атаман. Я не люблю садомазохистичность – это меня больно ранит, поэтому мне легче сделать шаг в сторону.

– Даже дома вы не навязываете свое мнение?

– Я настолько уважаю в детях их личности, что веду себя, наверное, как плохой отец, потому что я практически им не помогаю ни в чем. Они вообще очень самостоятельны. Дети – это объект безусловной любви: сколько бы чудовищами или оборотажельными ни были их поступки, я все равно буду их любить. Другое дело, что

эта любовь бывает любовью-болью, которая взрывает твое сердце, или любовью-счастьем. Я не хотел бы, наверное, чтобы они шли в журналистику. Дело в том, что я закончил физматшколу, и мне все время хочется сделать из моих дочерей софий ковалевских – женщин-ученых. Мне кажется, что такой род занятий предполагает наличие интеллектуальной жизни, наполненной тихим счастьем и эмоциональным покоем. Я бы этого для них желал, но, кажется, они тоже яркие люди, и я вряд ли смогу упечь их в какие-то очки с огромной роговой оправой. Сыну моему пять лет – с ним пока не все понятно. Главное, что они все поборники справедливости, и это для меня важно.

– От вас, думаете, унаследовали?

– Моя жена такая же: неконформизм, желание постоянно драться за справедливость, против лицемерия. Я часто вижу в своих детях это качество.

– Приходилось ли бороться с несправедливостью кулаками?

– Раньше я часто дрался, причем именно за покушение на личный мир. Когда вы едете в автобусе, вам, воз-

можно, хочется побыть одному. А для того чтобы побыть одному, вы должны заключить с людьми в автобусе соглашение, что каждый из них не будет лезть в ваш внутренний мир и оставит вас наедине со своими мыслями. И когда кто-то рядом начинает грубо материться, это удручает, особенно если ты с дамой. Будучи студентом, я всегда подходил к таким «джентльменам», а поскольку разговаривать с ними мне было трудно, я поступал по-другому. Если дело было зимой, то снимал с них головной убор, кидал его через весь автобус, настойчиво и негромко говорил «апорт», и подавляющее большинство убегали за шапкой и больше не возвращались.

– А мотоцикл больше не седлаете?

– Мои неприятности были не от мотоцикла, а от моей политической деятельности. Некие люди, которых сейчас принято называть силовиками, планировали сделать меня несколько мягче. Вообще вся эта история была для того, чтобы я работал. Я стал податливым, вступил с ними в переговоры, а меня дожимали, чтобы я был еще мягче.

Сергей Ткачук

Некогда известный всей стране «телекиллер», Сергей Доренко теперь член КПРФ и заявляет о готовности драться за левое дело. Корреспонденту «НИ» г-н Доренко откровенно поведал о своих взаимоотношениях с кремлевскими обитателями и собственных экстремальных увлечениях.

– Сергей, что побудило вас вступить в ряды КПРФ и можно ли после этого шага считать вас политиком?

– Мне, в общем-то, всегда были близки левые принципы. Но если говорить конкретно, то некоторое время после мотоциклетных преследований я ждал того, что условный приговор превратят в безусловный. И счел за благо пожить на юге, у своих друзей, в Ставропольском крае. И там помог им с разъяснением народу их политических позиций. Ездил по деревням, выступал перед селянами, рассказывал, почему грядущие реформы будут губительны. Меня там очень поддерживали местные деды, старики. А они такие типажи – просто характеры с большой буквы. Как человек информированный, я знал, что в планах кремлевской администрации валить компартию. А поскольку старики эти вызвали у меня глубокую симпатию, то я решил, скорее из душевного, а не интеллектуального порыва, влезть в это дело, чтобы за них драться.

– Вы легко находили общий язык с этими дедками. Но ведь вы с ними из очень разных пластов общества. Что вам помогало?

– Я сын военного летчика. Пока учился, поменял восемь или десять школ – мы постоянно ездили по гарнизонам. И поэтому основные ценности, на которых я воспитан, это ценности служения. Для меня, как и моих родителей, все это не было пустым звуком, когда мы жили в 30 километрах от китайской границы. И ощущение того, что война очень возможна, что мы очень нужны и что мы прикрываем собой великую страну, и это, возможно, потребует жертв с нашей стороны, было со мной все детство. Я и сам хотел стать летчиком. В училище не пошел из-за зрения – у меня астигматизм и еще что-то.

– Не став летчиком, вы, по определению многих моих коллег, стали телекиллером...

– Мне кажется, все эти определения зависят от угла зрения. Вот моя собака, когда смотрит на меня, наверное, думает, что я очень странная собака. И мой кот, когда смотрит на меня, думает, что я очень большой кот. И мой попугай наверняка тоже что-то думает. И человек, по сути своей продажный, глядя на меня, прикидывает, сколько же я срубил денег. А человек, привыкший к садомазохистским отношениям, думает, кто же меня заставлял. Человек свободный удивляется моей воле вольной и т.д. Я не могу с этим бороться. Штамп, который че-

ловек ставит на мне, это штамп, порожденный его внутренним миром. А я просто спонтанно реализую себя, и готов подписаться под каждым своим словом. Ведь главное, о чем я говорил, это лицемерие. Я бичевал лицемерие тех, кто мазал собственным дерьмом других.

– Лицемерия стало больше? – Для властвующей элиты, не обремененной никаким интеллектуальным багажом, принципиально, что она научилась выкручиваться. И в этом смысле лицемерие возведено в степень – квадрат, куб. Это нарастающее качество нынешнего Кремля.

– Если бы у вас сегодня снова появилась возможность вести программу в присущем вам стиле, вы бы пошли на это? – Меня бы выгнали через неделю. Такой возможности сейчас нет вообще. Сегодня никто не будет этого терпеть. Меня терпели с моими обличениями из-за того, что это налагалось на клановые войны. И тогда счастье наше было, что существовали враждебные клановые каналы: мы пороли этих, а те пороли наших – это было счастье, это было здорово. Все боялись, что вот-вот придут с фонарем и высветят эту гнусность. Сейчас никто ничего не боится, потому что все схвачено.

– После этих экранных войн вам удалось сохранить хорошие отношения с кем-нибудь из фигурантов вашей программы? С тем же Примаковым или Лужковым?

– Нет, они восприняли все очень лично. И в этом смысле они не политики, потому что занимаются не миром политических концепций, идеями, а личными отношениями. То, что они называют командой, это по-настоящему феодальный клан, где есть суверен и его вассалы, и вассалы следуют за сувереном вне всякой зависимости от так называемой политики. Политика – это украшение, цвет знамен, больше ничего. Для них очень сложно работать в политическом мире, в котором, как мне кажется, живу я. Любую критику они воспринимают как личную неверность, а для меня это смешно, потому что я всегда считал их функцией, даже когда они считают меня другом. А часть из них действительно считают меня другом – для меня это дико и дико-виноно. С какой стати я их друг? Я считаю, что Владимир Путин – функция. И в те дни, когда я общался с ним, и очень часто, я считал, что он функция. Он – начальник, и эта функция характеризуется прежде всего набором полномочий – вот и все. И после того, как я критикую функцию, он думает, что я лично не прав – я его не понимаю, а он не понимает меня.

– Но, может, вы дали какой-то повод во время неформального застолья?

– А что это значит? Ничего не значит. Застолья были у меня со многими, даже с Кучмой, которому досталось от меня во время последней президентской кампании. И дальше что? Я критикую Кучму как функцию государства в какой-то момент, и он обижается, он считает, что я его предал. Но

ИГОРЬ ШИРОНИХ

СПРАВКА

Сергей ДОРЕНКО родился 18 октября 1959 года в Керчи (Крым, Украина). В 1982 году окончил Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. После учебы два года работал переводчиком в Анголе. На телевидении с 1985 года. Был ведущим утренней программы Центрального телевидения «120 минут», потом программ «Утро», «Новости» и «Вести» на РТР. В 1993–1994 годах – директор службы информации телеканала «ТВ-6 Москва». Затем вел на РТР программу «Подробности», на ОРТ – «Версии», на НТВ – «Характеры». С осени 1996 года вел еженедельную информационно-аналитическую программу «Время» на ОРТ. В 1998–1999 годах – главный продюсер дирекции информационных программ телекомпании ОРТ и одновременно ведущий «Программы Сергея Доренко». В ноябре 1999 года назначен заместителем генерального директора ОРТ. В сентябре 2000 года был отстранен от эфира, по версии самого Доренко, по личному распоряжению Владимира Путина. Сейчас ведет еженедельную радиопрограмму «Особое мнение» на «Эхо Москвы», в ИА «КПРФ-NEWS» работает в проекте «Коммунист-ТВ». В ноябре 2001 года Кунцевский суд столицы признал Доренко виновным в хулиганстве (телеведущий наехал на мотоцикле на капитана Валерия Никитина) и приговорил его к четырем годам лишения свободы условно.

12